

— Ещё в феврале я получил приглашение сделать заказной обзорный доклад на тему "Моделирование ионосферных возмущений" на очередной Всесоюзной конференции по физике ионосферы, которая должна была состояться в двадцатых числах октября в Ашхабаде, а затем к нему присоединилась ещё просьба сделать репортёрский доклад по ряду оригинальных сообщений, присланных на конференцию. Назначенный срок подошёл, и, как теперь стало обычно, двумя бригадами - от университета (Латышев, Захаров, Медведев, Бобарыкин, Смертин, Никитин) и обсерватории (Иванов, Васильева, Хаустова, Кореньков, Клименко и мы с Сашулей) - мы отправились в Среднюю Азию, где я ещё до сих пор не бывал.

— В этот раз с нами поехала, точнее, полетела и Сашуля, благо Митя был во Владимире (Сашуля навестила его по пути в Ашхабад), а Иринку оставили под присмотром Люды Лебле. В аэропорту Внуково мы с Сашулей и Ивановым обедали в ресторане под гром оркестра, разухабисто базлавшего: "Травы, травы, травы не успели от росы серебряной загнуться...", такое впечатление было, что оркестранты все пьяные в дупель несмотря на дневное ещё время, и мы - провинциалы - удивлялись, до чего столичный сервис дошёл.

— В Ашхабаде нас с Сашулей поселили в отдельном номере старой гостиницы, расположенной в самом центре города, но отнюдь не в самой фешенебельной, мягко говоря. Там же поселились и все университетские, а остальные наши из обсерватории где-то в другом месте. Ожидавшейся обычной для этих мест жары не оказалось, было прохладнее чем в это же время в Ростове два года назад. Собственно от Ашхабада впечатлений осталось немного. Преимущественно одноэтажные домики с зарешеченными окнами (говорят, от воров, которые якобы с дореволюционных времён ещё каждую осень собирались со всей России в Ашхабаде на зимовку), арыки. В центре есть сооружения современной стилизованной архитектуры, хвалёные, но не очень, на мой взгляд, выразительные. Обращало на себя внимание изобилие говядины в магазинах и каспийской осетрины, цены на которую, впрочем, оказались такими же невиданными, как у нас сама осетрина.

— На подробное знакомство с Ашхабадом времени практически не было. Программа конференции была очень плотная. Доклады делались только заказные и репортёрские, так что каждый докладчик выступал подолгу и представлял массу своего и чужого материала, отдавая обычно предпочтение первому в ущерб второму. Я свои обязанности участника выполнял добросовестно, сидел обычно на первом ряду, всё слушал, старался вникнуть, участвовал в дискуссиях и в составлении проекта решения. То, что мне поручили отрепортировать, я вставил в свой обзорный доклад и постарался не ущемить интересов авторов оригинальных сообщений. Кажется, в Ашхабаде мне впервые пришлось председательствовать на одном из заседаний.

— Остальные наши калининградцы, в том числе и Сашуля, как и большинство "нормальных" участников не изводили себя отсиживанием заседаний, знакомились с достопримечательностями, ездили в Фирюзу, например, где Иванов, не отставая от других, лазил по горам, лакомились дынями, а по вечерам, конечно, пили.

— В один из вечеров мы с Сашулей оказались в компании наших университетских коллег, собравшихся в номере у Кости Латышева, то есть были ещё Лёнька, Смертин, Медведев и Бобарыкин. И вот когда уже изрядно выпили, я поцапался с Колей Бобарыкиным, точнее, накричал просто на него. Подоплёка этого конфликта зрела давно и состояла вот в чём.

— Бобарыкин и Медведев, выпускники КГУ 1972-го года, которым я когда-то читал лекции, работали теперь с Латышевым под его непосредственным руководством, подчиняясь ему и административно. Сначала они были у него просто на подхвате, затем освоили программы, стали самостоятельно ездить в Вильнюс и претендовали уже на собственные темы. Костя их в этом поддерживал. Все трое к тому же были не прочь

выпить по любому поводу и находили в этом друг у друга взаимную поддержку.

— Мало-помалу у них с Костей установились какие-то странные полуассальские, полутоварищеские, но очень тесные взаимоотношения. Костя их вроде бы невысоко ценил как работников, особенно Бобарыкина, которого не уважал и как человека, за лицемерие, прежде всего, о чём сам мне говорил. И в то же время приблизил их к себе, часто пил вместе с ними. Мне это не нравилось, и Косте я говорил, что не столько он их воспитывает, сколько они его портят, особенно Бобарыкин своим подхалимажем.

— Костя же считал, что я предубеждён, несправедливо отношусь к ним.

— Их солидарность питалась ещё и недовольством моим диктатом, о чём я поначалу и не подозревал, пока не услышал претензии, предъявленные мне Костей и Лёнкой по поводу моего выступления на собрании нашей объединённой группы моделирования. Непосредственно с Бобарыкиным и Медведевым я контактировал мало. Когда-то, ещё до Костиной защиты, я поручил им расчёты эффектов электрических полей. Они с ними не справились. Я перепоручил это дело Клименко, и оно стало затем его темой, где он продвигался вперёд очень успешно. Бобарыкину и Медведеву это не понравилось, они считали, что я им мало помогал, а много требовал. Клименке же, мол, я уделяю гораздо больше внимания. Но дело было в том, что Клименко сам непрерывно теребил меня, активнее работал просто-напросто.

— По договорённости с Латышевым я подключил Медведева к работе Коренькова, поскольку Сашуля в то время из действующих рядов выбыла в связи с рождением Мити, и Юра остался один с большим объёмом работы. У Коренькова с Медведевым сотрудничество не заладилось, оба были недовольны друг другом. Кореньков считал, что Медведев работает без должной самоотдачи, не проявляя к работе интереса, абы как, и в конце концов плюнул на него и стал всё делать сам (задача у них была - учёт эффектов переноса молекулярных ионов), хотя на конференцию в Ашхабаде они заявили тезисы совместного сообщения. Медведев, естественно, считал, что Кореньков к нему придирается, и вообще - кто он такой, чтобы им командовать?

— Бобарыкин под прямым Костиным руководством стал заниматься численными методами, в частности, проблемой введения переменного шага интегрирования по высоте, - задачей, для всех нас очень актуальной. Но реальных сдвигов у них не было, хотя никаких особых на то причин - объективных трудностей - на мой взгляд, не существовало, за что я и предъявлял к ним претензии.

— О скрытом недовольстве Бобарыкина и Медведева я узнал из рассказов Коренькова и Клименко об их стычках с университетскими в Вильнюсе, где по-прежнему во время командировок все жили гуртом, обычно в 30-й комнате общежития аспирантов, под покровительством Болиса Никодимыча. Латышев к этому времени в Вильнюс ездить перестал, как и я. С программами нашей большой модели, то есть с различными её вариантами работали самостоятельно Кореньков (впрочем, у него была фактически собственная модель), Клименко, Смертин, Захаров, Медведев, Бобарыкин, каждый решая свои задачи, и наша с Костей опека в Вильнюсе им уже была не нужна. Нелюдимый же Суроткин практически в одиночку клепал модель экваториальной ионосферы, общаясь только со мной и то крайне редко.

— Так вот по вечерам в Вильнюсе Бобарыкин, Медведев и Смертин активно предавались возлияниям, в которых порой принимали участие Лёня Захаров и реже Кореньков; Клименко и Суроткин не пили совсем. Подвыпив, ребята начинали философствовать по поводу насущных проблем бытия. Главными обсуждавшимися лицами были я и Латышев, за глаза обсуждались и прочие отсутствовавшие. Скажем, Клименке жаловались на Коренькова, а Коренькову на Клименко. В этих вот разговорах и прозвучали основные претензии Бобарыкина и Медведева: их используют как негров, чтобы они пахали для других.

— Медведева Намгаладзе заставляет делать диссертацию для Коренькова, Бобарыкину тоже не дают своей темы. И вообще, ИЗМИРАН давит университет, Латышев стонет под

игом Намгаладзе, который заставляет всех пахать на свою докторскую. А Захаров, Кореньков и Клименко - Намгаладзевские подхалимы. Они - Бобарыкин и Медведев - потому не имеют своих тем, что не желают подлизываться к Намгаладзе. А Клименко - паразит, их не уважает и не желает с ними пить, и требует, чтобы в комнате на ночь не курили - это уже совсем нахальство, и Кореньков - такое же говно, и т.д., и т.п. Тут и Латышеву не меньше доставалось - тряпка, мол, идёт у Намгаладзе на поводу. И всё это за глаза, конечно.

— Но как-то они высказались и при мне. Судя по всему они сначала допекали Костю жалобами на свою обездоленность - мол, тем у них (разумеется, диссертационных) своих нет, надоело на дядю работать, не видят личных перспектив и т.д., и т.п. Костя (я так думаю) ответил им, что дело всё, мол, в Намгаладзе, он у нас всем распоряжается, а я ничего поделать против его воли не могу, хотя и готов вас поддержать. И в качестве такой поддержки предложил им поговорить со мною в их присутствии. Разумеется, такой разговор не мыслился иначе как за бутылкой, за чем дело не стало. Начали пить, быть может, даже в кирхе, а потом пошли ко мне домой, где друзья и высказались, благо языки развязались.

— Начали-то разговор с вопроса о диссертационных темах для Бобарыкина и Медведева. Я ответил совершенно определенно: говорить об этом рано, ребята ничем ещё себя не проявили. Для темы нужен задел, а его у них нет. Пока нужно просто работать, читать литературу, повышать квалификацию, тогда темы сами сформулируются из текущей работы, в которой возможностей не на одну диссертацию имеется.

— Такой ответ их совершенно не устроил. Тут и зазвучали из уст Бобарыкина обвинения в мой адрес, что я узурпировал власть, всех давлю, завёл себе любимчиков - Коренькова и Клименко, в группе нет демократии, нет коллегиальности, а в университете у меня нет никакого права распоряжаться, и - интересный поворот! - Константин Сергеевич такой же теперь кандидат наук, и сам может руководить, а вы его зажимаете...

— Костя, почувствовал, что Бобарыкин увлёкся, хотя и высказал то, что Костя где-нибудь сам по пьянке говорил, и стал отмежевываться от его выступления: ты, мол, Коля, уж чересчур! Александр Андреевич у нас не просто заказчик, а научный руководитель и лучше нас всех разбирается в геофизике. Вот только ему надо быть помягче, доброжелательнее к людям. Слишком уж ты, Саня, требователен, категоричен. Так нельзя, можно людей отпугнуть, все разбегутся. На что я не преминул ответить:

— Кому не нравится, пусть бегут, без них справимся. Добро бы, в самом деле, о каких специалистах шла речь!

— Сашуля потом возмущалась:

— Надо же, Бобарыкин, туда же: - диссертацию ему подавай! Лыка не вяжет, в гостях сидит и хозяина поучает, как руководить надо!

— Действительно, Бобарыкин поражал свои апломбом, а ведь как специалист был самым слабым в нашей объединённой группе. Причём трезвый он был до тошноты вежлив и заискивающе предупредителен со всяким вышестоящим, и развязно высокомерен или даже груб по отношению к своим же товарищам, к тем, от кого он не зависел, - к Лёнке Захарову, к тому же Медведеву даже, не говоря уж о Коренькове или Клименко. Особенно третировал он Лёнку за то, что тот, будучи старше всех по возрасту и с самого начала работая на теме, не сделал ещё диссертацию и не начал даже писать. Лёша Кочемировский хорошо знал Бобарыкина ещё со студенческих времён и органически его не переваривал, осуждая и меня, и Латышева за то, что пригрили такого проходимца.

— А вот то, что в паре с Бобарыкиным оказался Володя Медведев, меня очень огорчало. Володя - парень неплохой, трудолюбивый, способностей средних, но упорством мог бы многое взять. Кореньков, думаю, не смог найти к нему подхода, терпения не хватило с ним возиться, и просто сказала разница в классе, оттого у них и не пошла совместная работа. Слабоват, правда, насчёт выпивки - выпить любит, но хмелеет быстро. Но честолюбие у Володи имелось, и на нём-то Бобарыкин и играл, вовлекая Медведева в

ропот по пьяной лавочке.

— Из рассказов Коренькова и Клименко о стычках в Вильнюсе можно было понять что, подпевал Бобарыкину и Медведеву порой и Володя Смертин, что казалось странным, так как Смертин буквально лип ко мне со своей работой, вцепился и висел на мне как клещ. Причём претензий ко мне я от него пока не слышал, а вот поди ж ты, похоже, что и он считал меня недостаточно озабоченным его диссертационным продвижением.

— Ну, а тогда, в Ашхабаде Бобарыкин по какому-то поводу прицепился к Лёнке, тот спорил с ним, горячился, я встал на его сторону, а когда Бобарыкин проныл: - Александр Андреевич, ну за что Вы меня не любите? - я взял и выложил ему - за что.

— За двуличие - вон он здесь как юлит: Константин Сергеевич, Александр Андреевич, а за спиной чёрт-те что молотит. Захаров на десять лет его старше, да не начальник, так ему он хамит. Ликбез не завершил, а о диссертациях рассуждает. Работает халтурно, о переменном шаге сколько уже речь идёт, а результата нет, зато гонора полный вагон!

— И всё это в сердцах, с криком, - вывел он меня из себя да к тому же алкоголь. На определённой стадии выпивки я и на Сашулю мог накричать.

— А тут ещё и Смертин пьяный возник:

— Да мы..., да что вы без нас..., да мы сами с усами, мы себе и сами можем заказчиков найти...

— Под горячую руку и ему от меня досталось:

— Самы? Да что вы сами-то умеете, Бобарыкин в особенности? Водку жрать да трепаться! Сюда приехали - вас никого на заседаниях не видать! Двух слов по-русски грамотно написать не умеете! - пошёл я в разнос. Слава Богу, Костя, самый крепкий по части выпить, сохранил голову холодной и всех утихомирил.

— На банкет в Ашхабаде впервые собирали по десять рублей. Мы сочли, что за места для наших непьющих практически дам - Сашули и Лиды Хаустовой платить такие деньги будет слишком жирно, и провели их бесплатно. Банкет был шумный. Тамада - Данилкин из Ростова - провозглашал тосты в таком примерно духе:

— Один прохожий наткнулся как-то на дороге на лягушку полудохлую, которая человеческим голосом попросила приютить её - мол, не пожалеешь. Тот принёс её домой, положил в постель, и она превратилась в красавицу. А тут как раз жена пришла, и мужик не нашёл ничего лучшего, как просто рассказать ей правду. И жена ему поверила. Так выпьем за женщин, которые верят нам в любых ситуациях!

— На нашем участке стола кончилась водка. Я пошёл к столу, где сидело малопьющее высокое начальство: Мигулин, Лобачевский, Гетманцев, Гершман, перед которым красовались непочатые бутылки, и сказал, что собираю автографы крупных учёных, попросил их расписаться на этикетке одной из бутылок и уволок её с собой. На ашхабадском базаре мы затарились огромными дынями, круглыми и удлинёнными (базар был ими завален, но цены были не ниже, чем в России - по рублю и выше килограмм, а виноград - по два), и с этими дынями мыкались потом по Москве, из Домодедово тащились во Внуково, где наш рейс в Калининград сначала задержали, а потом и вовсе перенесли на следующий день. Пришлось ехать в Москву, где мы пытались устроиться в академической гостинице на Октябрьской, и где сначала нас не селили, а потом кое-как устроили, и я спал в одной комнате с Сашулей и Лидой Хаустовой. Наутро, наконец, мы благополучно улетели.

— А в Домодедово, между прочим, получая багаж, мы встретили... Серёжу Лебле, который летел из Калининграда в командировку во Владивосток и в ожидании рейса прогуливался по аэропорту. Тут мы сразу же вспомнили, как наткнулись на него в Ленинграде на углу Невского и Желябова. Похоже, складывалась традиция - встречать Серёжу в неожиданных местах...

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)